

ПРОЛОГ

СТИЛ-ХАУС ОТБРАСЫВАЛ НА ТРАВУ МРАЧНУЮ ТЕНЬ. Разбитые окна были похожи на глаза безумца, а просевшее крыльцо — на его странную кривую ухмылку.

Марибет уставилась на него, и по коже поползли мурашки.

«Ну что ты как маленькая? — сказала она себе. — Это всего лишь дом».

Но это был не просто дом. Это был тот самый Стил-Хаус. Каждый раз, когда Марибет случалось проходить мимо пустого заросшего двора, она задерживала дыхание. Но сейчас ей уже целых девять лет и она слишком взрослая, чтобы бояться какого-то дурацкого старого дома.

И все же она прокралась вдоль края травы, стараясь даже пальцем не коснуться тени, отбрасываемой домом на газон. Ребячество это или нет, но она подумала, что, если наступит на тень, дом *заметит* ее. Однако это был самый короткий путь до ее собственного дома, поэтому она шла быстро, даже не глядя на старое здание.

Она почти прошла мимо погреба, рядом с тем местом, где мертвый пожелтевший газон

Стил-Хауса превращался в красивую зеленую лужайку ее двора, когда слышала короткое испуганное *мяу*.

Марибет замерла, в животе возникло какое-то тяжелое чувство. Она взглянула на лестницу в подвал. Похоже, это еще совсем маленький котенок.

Мяу.

На этот раз мяуканье прозвучало громче и безнадежнее, как будто котенок услышал, что она прошла мимо, и теперь звал ее на помощь. Марибет нахмурила брови, не зная, что ей делать. Похоже, котенок оказался в ловушке.

«Просто дурацкий старый дом», — снова сказала она себе. И затем быстро, не давая себе времени испугаться слишком сильно, схватилась за двери подвала и с кряхтением попыталась открыть их.

Запертый котенок не выскочил. Марибет вообще ничего не увидела в крошечной тьме.

«*Мяу*», — снова слышала она. Звук эхом пронесся по подвалу. Марибет присела наверху лестницы и протянула руку в темноту. Она все еще была одета в колготки, которые надевала только в церковь, и колени уже были все в грязи. Голосок слегка дрогнул, когда она позвала:

— Сюда, кис-кис, сюда, маленький. Я не сделаю тебе больно.

Она знала только часть истории о Стил-Хаусе. Кто-то там умер, давным-давно, и теперь в нем никто не хочет жить. Ее старший брат Кайл и его друзья, проезжая на скейтбордах мимо дома, осмеливались бросать камни в окна с криками: «Да кто теперь боится Стил-Хауса, придурки?» Только они говорили не «придурки», а такое слово, которое Марибет не разрешалось повторять. Но они

никогда не заходили внутрь. У Кайла кишка была тонка.

— Кис-кис? — Не входя внутрь, Марибет наклонилась как можно ближе к дверному проему. Ей были видны только несколько верхних ступеней, а все остальное скрывала темнота.

Она подбодрила себя. То, что Кайл был слишком труслив, чтобы войти внутрь, не означало, что этого не могла сделать она. Девочка представила себе выражение его лица, когда она расскажет ему о том, что сделала, и поспешила вниз по лестнице, пока не растеряла всю свою смелость.

Воздух вокруг стал совершенно неподвижным, как будто дом затаил дыхание. Марибет прошла мимо стены с полками, уставленными старыми зелеными бутылками, этикетки на которых давно стерлись, и остановилась перед деревянным сундуком со сломанным замком. На вершине сундука сидела кукла, прислоненная спиной к стене. Глаза были вырваны, а вокруг пустых глазниц зияли выбоины.

Марибет отвернулась от куклы, изо всех сил всматриваясь в темноту.

— Кис-кис? — позвала она. Пахло мокрыми джинсами, собаками из трейлерного парка* и каким-то прогнившим мусором, как будто кто-то здесь жил. Марибет зажала нос двумя пальцами. Ее сердце заколотилось быстрее.

Снаружи дверь погреба захлопала на ветру.

* Трейлерный парк — стоянка с передвижными домами, установленными на постоянном месте, к которым подведены инженерные коммуникации (водопровод, канализация, электричество), для сдачи внаем малоимущим. — (Здесь и далее примечания переводчика).

«Мне лучше вернуться», — подумала она. Было холодно, и по коже пробежал озноб и мелкие мурашки. Она чувствовала, что здесь с ней творится что-то странное, что-то плохое. Она обернулась, но увидела лишь грязные стены, бутылки и ту странную куклу.

Два глаза сверкнули в темноте.

— Кис-кис, — прошептала Марибет, приближаясь к ним. Они были блестящими и желтыми. Она опустила на колени и наклонилась вперед.

Желтые глаза моргнули.

— Иди сюда, — пробормотала она, протягивая руку.

Мальчишеский голос донесся откуда-то сверху.

— Эй? Там кто-то есть внизу?

Сердце Марибет забилося. Она отдернула руку и развернулась так быстро, что подвернула лодыжку. Боль пронзила ногу.

Желтые глаза снова вернулись в тень.

— Кто там? — закричала Марибет со слезами на глазах. Лодыжка здорово разболелась, но гораздо сильнее был страх. Ей казалось, что кто-то схватил и сжал ее грудную клетку. Она прижалась всем телом к холодной стене подвала.

Лестница скрипела так, словно кто-то очень медленно спускался по ступенькам, но Марибет никого не видела. Через мгновение по погребу пронесся запах одеколона. У нее зачесался нос. Это был запах того самого одеколона, который ее папа использовал для особых случаев, например, когда приглашал маму на свидание.

— *Как тебя зовут?* — спросил голос. Голос был приятный, он напомнил Марибет о старших братьях.

— Марибет Руис, — в оцепенении ответила девочка. Она пыталась придать голосу больше уверенности, чем чувствовала на самом деле. Кто это говорит? Она почему-то посмотрела на куклу, сидящую на сундуке. Черные глазки уставились на нее, но рот куклы не двигался.

— *Классное имя*, — сказал голос.

Вокруг запястья Марибет обвилась чьи-то пальцы. Они были холодными и влажными, как сырая курица, которую достали из холодильника. Марибет посмотрела на руки, но на них ничего не было. Она моргнула, там все еще ничего не было.

Но она чувствовала их. Они ущипнули ее до крови!

Марибет взвизгнула и сделала неуклюжий шаг назад. Поврежденная лодыжка соскользнула, и она грохнулась на пол — сильно, — от земли исходил холод, который она чувствовала сквозь колготки.

Пальцы все еще держали ее. Они повернули руку назад под таким неудобным углом, что яркие вспышки боли пронзили плечо Марибет. Девочка попыталась закричать, но звук застрял в горле. Ее губы дрожали. А пальцы сжимали запястье все сильнее. Аромат одеколона стал сладким и удушающим. Он заполнил легкие Марибет, и ей стало еще сложнее закричать.

— *Ты заплатишь за то, что она сделала*, — прошептал ей на ухо голос.

Марибет ловила ртом воздух, словно рыба, которую вытащили из воды. Наконец у нее вырвался отчаянный возглас, но стены были толстыми, и она знала, что никто ее не услышит.

Сильный порыв ветра снаружи захлопнул дверь подвала.

ТРИ ГОДА СПУСТЯ...

ГЛАВА 1

ХЕНДРИКС НЕ ЗНАЛА, ЧТО ЕЕ БЕСИТ БОЛЬШЕ: необходимость опять начинать все с самого начала или выглядеть как все.

В своей старой школе она вела собственную войну с избитыми стереотипами. У нее была целая куча разных правил: никаких дневников ненависти или травли в стиле «Дрянных девчонок»*. Никаких претензий на звание королевы выпускного бала. Никаких свиданий с квотербекками из старших классов.

— Хорошо, что я не квотербек**, — сказал как-то ее бывший парень Грейсон, нахмутив

* Автор имеет в виду фильм «Дрянные девчонки» (США, Канада, 2004 г.), в котором рассказывается о соперничестве старшеклассниц за внимание популярного в школе парня и за звание королевы выпускного бала, а также о подлых методах, применяемых девушками для достижения целей, в том числе ведении дневников ненависти, куда собирают все сплетни и грязные слухи о соперницах.

** Квотербек — игрок в американском футболе, который получает мяч от центра и начинает розыгрыш. Самый важный игрок команды нападения.

брови. — Ты имеешь что-то против футболистов?

— Только если ты капитан команды, — ответила ему Хендрикс, поддразнивая, и, когда он надулся, добавила: — Эй, я и не подозревала, что ты собираешься пригласить меня на свидание, когда придумывала свои правила.

Это было правдой. Правила там или не правила, да только все знали, что стоило попасть в гравитационное поле Грейсона Мейерса, и сопротивляться уже бесполезно. Вокруг него и вправду было «поле», которое буквально затягивало людей. А еще у него была улыбка, которая говорила «доверься мне», и глубокий, с хрипотцой, голос, из-за которого он казался старше и загадочнее, чем был на самом деле. Конечно, теперь, после всего, что произошло, Хендрикс не могла думать о его улыбке или голосе, не чувствуя прилива стыда.

Стыда за то, что должна была быть умнее, должна была следовать своим же собственным правилам. Стыда за то, что во всем случившемся была виновата она сама.

На заднем сиденье родительской машины внезапно закончился воздух, и стало жарко. Хендрикс прикрыла глаза, притворяясь, что она в шкафу у себя дома. Она представила, как шуршит рядом верхняя одежда, а в ногах мешается обувь. Низкий гул автомобильного радиоприемника и тихие голоса ее родителей звучали издалека, словно приглушенные закрытыми дверьми.

«Дыши», — сказала она себе, и ее губы разомкнулись, позволяя воздуху вырваться наружу. Большую часть последних двух месяцев

она провела, прячась в этом шкафу. На удивление, ее и сейчас успокоило мысленное перемещение туда. Там она всегда чувствовала себя в безопасности. Но это «там» находилось на расстоянии более двухсот миль от нее. И больше не принадлежало ей.

Она открыла один глаз, прислонившись к окну. Главная улица Дрерфорда*, размыто вырисовываясь за покрытым изморозью стеклом, промелькнула перед глазами. Люди плотнее запахивали куртки, когда очередной порыв ветра обрушивался на голые деревья.

— Но если мы поедem на электричке Метро-Норт, то вернемся около полуночи, — сказала мама с пассажирского сиденья, побарабанив пальцами по экрану телефона. — Не позднее часа ночи.

— Может быть, мы могли бы переночевать там. А с подрядчиками можно встретиться и утром. — Ее отец понизил голос, словно надеясь, что Хендрикс его не услышит.

Пауза.

— Я... я до сих пор чувствую себя очень некомфортно из-за всего этого. — Мать тоже говорила тихо, но они сидели всего-то в полуметре. Хендрикс скорее почувствовала, чем услышала паузу в разговоре и представила их глаза, взглянувшие в зеркало заднего вида так мимолетно, как будто они и не думали проверять ее.

Девушка пристально смотрела в окно, наблюдая, как стекло запотеваet от ее дыхания.

* Название несуществующего города. Игра слов: drear — отчаянно скучный, тоскливый, мрачный, поэтому название городка можно перевести как Скукоград.

Дрерфорд, штат Нью-Йорк, находился в полутора часах езды к северу от Манхэттена и почти в четырех часах езды от Филадельфии. Еще чуть-чуть — и это было бы слишком далеко, чтобы доехать за одну ночь. Население: 12 482 человека. Погода в данный момент: минус пять и серая. Серая, как будто небо высасывает жизнь из окружающего мира, оставляя деревья, траву и водоемы бесцветными и покрытыми тонким слоем инея. В Филадельфии, где Хендрикс жила еще до прошлой недели, январь был тоже холодный, но то был яркий холод, блестящий даже на вид. А это место выглядело просто мертвым.

Прежде чем она успела остановить себя, Хендрикс вдруг представила, как Грейсон отпивает из украденной бутылки портвейна, предлагая и ей.

— Слабо? — говорит он, изогнув одну бровь.

Это был их личный прикол, что-то вроде понятной только им шутки.

Слабо пойти в кино со мной в пятницу вечером?

Слабо изменить статус в Фейсбуке на «Стою в отношениях»?

Слабо, слабо, слабо...

Хендрикс сглотнула. Воспоминания застряли комом в горле. Она машинально полезла в свой карман, сжала в руке мобильный телефон. Но не вытащила его.

С чистого листа. Так родители уломали ее на переезд в Дрерфорд. Один за другим Хендрикс разжимала пальцы, пока телефон снова не скользнул в карман.

— С чистого листа, — прошептала Хендрикс. Во всяком случае, Грейсон уже почти перестал звонить. Почти.

Машина приостановилась. Хендрикс повернула голову и увидела здание на другой стороне улицы, низко распластавшееся по земле, как хищник перед прыжком. По грязным кирпичным стенам были разбросаны редкие замутненные окна, прямо напротив главного входа торчал флагшток, а на яростном ветру, как сумасшедший, развевался флаг. Взгляд Хендрикс переместился влево, цепляясь за вывеску:

ДРЕРФОРДСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА, ДОМ ТИГРОВ*

Живот как будто скрутило. Потому что до этой самой секунды мысль о новой школе, новых друзьях, новом *вообще всем* не казалась реальной.

Она захотела распахнуть дверь машины и убежать вниз по улице. И пусть ветер унесет ее отсюда.

«Не думай так», — сказала она себе и, обеспокоенная ощущением, что родители могли как-то угадать ее мысли, посмотрела на переднее сиденье. Она попыталась сдержать нервную дрожь в голосе, когда спросила:

— Мы уже на месте?

Мама повернулась к ней.

* Названия американских средних школ часто содержат в себе название какого-либо животного, символизирующего данное учебное заведение.